

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2021-1-5-17>

КОРОНАВИРУСНЫЙ УКЛОН СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: МАСШТАБЫ, РИСКИ, ПОСЛЕДСТВИЯ

Е. Н. Смирнов

Государственный университет управления, Москва, Россия

Целью нашего исследования стал анализ рисков пандемии нового коронавируса, оказывающих влияние на динамику современной мировой экономики, а также оценка соответствующих последствий и рисков, которые приведут к формированию новой модели организации взаимодействий в международной торговле, осуществлению прямых иностранных инвестиций и пересмотру детерминант глобального экономического роста. Характер воздействия нынешней пандемии на сложившуюся систему международных экономических отношений, в отличие от предыдущих глобальных кризисов, является беспрецедентно жестким, что обусловило ряд противоречий в развитии глобальных цепочек создания стоимости, потоков международной торговли, трансформацию условий внешнего финансирования. Автор полагает, что важнейший вызов пандемии – не только в восстановлении экономики и экономической активности, удержании темпов роста производительности труда, но и в предотвращении роста неравенства в формировании возможностей управления глобальными рисками и дисбалансами. Тенденции к локализации международной торговли и репатриации глобальных цепочек создания стоимости выступают в виде риска существенного замедления международного обмена, что противоречит канонам и стратегиям развития внешнеэкономических связей тех стран, которые обеспечили свой экономический рост за счет расширения участия в международной торговле и привлечения прямых иностранных инвестиций. По мнению автора, новая волна международного экономического сотрудничества стран способна дать новый импульс международной торговле, движению капитала и динамике экономической мобильности.

Ключевые слова: пандемия коронавируса, международная торговля, мировое производство, глобальные цепочки создания стоимости, экономическая глобализация.

CORONAVIRUS BIAS OF THE MODERN WORLD ECONOMY: SCALES, RISKS, CONSEQUENCES

Evgenii N. Smirnov

The State University of Management, Moscow, Russia

The objective of our article is to analyze the risks of a new coronavirus pandemic with impact on the dynamics of the modern world economy, as well as to assess the corresponding consequences and risks that will lead to the formation of a new model for organizing interactions in international trade, foreign direct investment and a revision of the determinants of global economic growth. The nature of the impact of the current pandemic on the existing system of international economic relations, in contrast to the previous global crises, is unprecedentedly tough, which has led to a

number of contradictions in the development of global value chains, international trade flows, and the transformation of external financing conditions. The author believes that the most important challenge of the pandemic is not only the recovery of the economy and economic activity, maintaining the growth rate of labor productivity, but also in preventing the growth of inequality, in shaping the ability to manage global risks and imbalances. The trends towards the localization of international trade and the repatriation of global value chains act as a risk of a significant slowdown in international exchange, which contradicts the canons and strategies for the development of foreign economic relations of those countries that ensured their economic growth by expanding participation in international trade and attracting foreign direct investment. According to the author, a new wave of international economic cooperation between countries can bring a new impetus to the development of international trade, capital movement and the dynamics of economic mobility.

Keywords: pandemic of coronavirus, international trade, world production, global value chains, economic globalization.

Оценка глобальных экономических рисков пандемии

Влияние нынешней пандемии на мировую экономику в существенной степени отличается от других пандемий, произошедших на протяжении последнего столетия, поскольку в текущих условиях были одновременно поражены все крупнейшие экономики мира, которые вступили в странную рецессию, именуемую экспертами не иначе как «сотрясение мозга от COVID» [5]. Негативное воздействие на производство связано преимущественно «с реакцией человека на вирус» [6]. Первым шоком и последствием этой реакции явилось применение ограничений, нацеленных на снижение распространения вируса, что привело к отрыву работников от производства, в результате которого его объемы заметно сократились, равно как сократились и объемы логистики. Второй шок был связан со спросом на промышленные товары (шок ожидания), поскольку покупатели отложили покупку ряда товаров [2]. Мировое производство товаров столкнулось с перебоями поставок, «заражением» глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС), которые испытали сложности получения дешевых импортных ресурсов для производства, серьезными нарушениями спроса ввиду экономического спада, отложенными покупками, а также задержками инвестиций компаниями.

Между тем нельзя назвать однозначным влияние пандемии на динамику валового внутреннего продукта (ВВП) в разных странах. Так, проведенный экспертами Международного валютного фонда (МВФ) анализ межстрановых взаимосвязей между введением карантина и экономической активностью по 52 странам с разным уровнем развития позволил установить корреляцию между жесткостью карантина и снижением ВВП в первой половине 2020 г.: страны, которые ввели более жесткий карантин, столкнулись с более резким снижением ВВП [4. – С. 67]. При этом более строгие ограничения обусловили снижение инвестиций, потребления, промышленного производства, розничных продаж, а также рост уровня безработицы. Таким образом, введение карантина имело негативные крат-

косрочные последствия для экономики. Изоляция стала ключевым фактором снижения экономической мобильности, однако не единственным, поскольку в период пандемии люди сознательно снижают контактирование, боятся заболеть.

Указанный аспект, отражающий тесную взаимосвязь мобильности с распространением пандемии даже после принятия странами (особенно развитыми) карантинных ограничений, нашел отражение в ряде научных трудов [14; 15]. В развитых странах людям намного проще социально дистанцироваться, поскольку там налажена дистанционная работа и имеются более высокие личные сбережения. До тех пор пока имеют место существенные риски для здоровья, экономическая активность будет оставаться низкой. Поэтому правительствам нужно продолжать поддерживать экономическую активность, поощряя удаленную работу, перераспределяя ресурсы в сектора с меньшим дистанцированием, поощряя внедрение цифровых технологий в организацию бесконтактной работы.

Исследователи указывают на особую значимость стоимости карантинных ограничений, поскольку в качестве ключевого нарратива изоляцию часто представляют как компромисс между поддержкой экономики и спасением жизней [4. – С. 76]. Однако указанный тезис не учитывает того обстоятельства, что, несмотря на краткосрочные экономические издержки, снятие карантинных ограничений может способствовать быстрому восстановлению экономики.

В результате пандемии, помимо сокращения мирового производства и международной торговли, резко ужесточились условия предоставления внешнего финансирования, которое, впрочем, как мы отмечали ранее, также оказало неоднозначное влияние на текущие счета платежных балансов в разных странах [1]. В 2019 г. глобальное сальдо счета текущих операций (сумма дефицитов и профицитов всех стран) снизилось на 0,2% до 2,9% мирового ВВП [13. – С. IX]. По оценке МВФ, совокупный дефицит и профицит по счету текущих операций в 2019 г. был чрезмерным – 40%. При этом в еврозоне сальдо счета текущих операций было более высоким, чем ожидалось, а в США, Великобритании и Канаде – сравнительно низким. Волатильность валютных курсов, за исключением валют некоторых развивающихся стран, была в целом умеренной. Решение задач ликвидации структурных перекосов в экономике стало причиной чрезмерных глобальных дисбалансов. В свою очередь объемы внешних активов (а значит и пассивов) достигли своего исторического максимума, что повысило риски как для стран-кредиторов, так и для стран-должников.

Экономики некоторых стран (особенно с высоким дефицитом счета текущих операций платежного баланса, ограниченными международными резервами и высоким уровнем долгов, номинированных в иностранной валюте) остаются наиболее уязвимыми перед глобальным кризисом. По мере введения новых локдаунов в мире ужесточались условия внешних

заимствований, и это создает новые проблемы для развивающихся стран – экспортеров сырья с точки зрения возможностей для покрытия дефицитов их платежных балансов и усугубляет спад международной торговли.

В настоящее время все еще сложно давать какие-либо оценки ущерба, нанесенного мировой экономике нынешней пандемией коронавируса. В частности, существует гипотеза, что для экономик крупнейших стран последствия пандемии в четыре раза глубже негативного влияния глобального кризиса 2008–2009 гг. [19]. При этом в разрезе стран и регионов негативное воздействие пандемии на экономику неоднозначно: так, экономика стран еврозоны страдает сильнее, чем в США, при этом в некоторых развивающихся странах были уничтожены целые отрасли экономики.

В результате первичного негативного воздействия пандемии страны сразу же начали вводить беспрецедентные меры поддержки экономики. Так, объявленный объем фискального стимулирования экономики странами «Большой двадцатки» по состоянию на середину 2020 г. составил 7,6 трлн долларов (около 11 % ВВП в 2019 г.) [9]. При этом некоторые страны в своем фискальном стимулировании перешли от непосредственных расходов на здравоохранение к долгосрочным инвестициям; они адаптировали свою налогово-бюджетную политику к ответным мерам на последствия пандемии коронавируса. Например, Германия и Республика Корея объявили о масштабной фискальной поддержке экономического роста, передовых исследований и разработок, зеленых инфраструктурных проектов.

Четко прослеживается увеличение нагрузки на бюджет в виде мер фискальной поддержки и на примере экономики США: если в 2008 г. совокупный объем мер поддержки финансовых рынков и бизнеса составлял 700 млрд долларов, то сегодня – уже 2,3 трлн долларов, причем данная поддержка предусмотрена для более широкого круга физических и юридических лиц, чем ранее. Вместе с тем применение комплекса мер монетарного и фискального стимулирования, направленных на поддержку фирм в развитых странах, способствовало дестабилизации экономик ряда развивающихся стран, в частности, снизило в них эффективность иностранных инвестиций и конкурентоспособность экспорта, привело к девальвации их национальных валют, росту инфляции. Помимо прочего, у беднейших стран актуализировалась проблема голода. В 1990–2017 гг. число беднейших людей (в состоянии крайней нищеты) в мире снизилось с 1,9 млрд до 689 млн человек, при этом в 1990–2015 гг. глобальная бедность снижалась в среднем на 1 % в год, в 2015–2017 гг. – менее чем на 0,5 % в год. Ранее ожидалось, что в 2020 г. число людей, живущих в условиях крайней нищеты, возрастет с 88 до 115 млн человек [20]. Таким образом, из-за влияния пандемии коронавируса весь прогресс борьбы с бедностью оказался перечеркнутым.

Дискуссия об эффективности и производительности в условиях пандемии

В последнее время развернулась обширная дискуссия по вопросу о том, что должно возобладать в экономике – долгосрочная устойчивость или эффективность [17], причем последняя при условии ограниченности ресурсов вела к удешевлению товаров/услуг, получаемых потребителями, и последующему росту качества и уровня жизни. Теория международной торговли изначально также была построена на основе принципа эффективности. Так, основоположник концепции сравнительных преимуществ Д. Рикардо установил, что странам необходимо сосредотачиваться на производстве товаров, по которым они имеют наименьшие относительные издержки (т. е. наибольшие сравнительные преимущества). Далее П. Самуэльсон подтвердил применимость данной теории к международному разделению труда между странами, компаниями и людьми, что на эмпирическом уровне способствовало обоснованию процессов экономической глобализации.

Головоломка производительности все чаще будоражит умы экономистов, обосновывающих фундаментальные детерминанты экономического роста. После 2007 г. в ряде развитых стран средняя производительность труда перестала расти, а это означает, что перестал расти и уровень жизни. Соответственно, экономическая эффективность потеряла свою значимость, и все большую роль при анализе экономического роста играет его устойчивость к различным экзогенным шокам [3]. В последний год такая риторика стала особенно актуальной, когда пандемия коронавируса перечеркнула все принципы устойчивого роста.

Справедливости ради отметим, что устойчивость экономического роста стала значимой еще на предпандемийном этапе развития мирового хозяйства, когда фактор растущей ограниченности ресурсов привел к развитию материало- и энергосберегающих технологий, т. е. инициировал все новые и новые волны научно-технического прогресса¹. Во главе угла НТП стояла необходимость разработки и производства таких технологий, которые приносили бы мировой экономике долгосрочную отдачу.

Вместе с тем экономическая глобализация как фундаментальная идеология развития мировой экономики и международной торговли последних десятилетий показала в условиях нынешней пандемии свою несостоятельность, поскольку сформированные вследствие глобализации ГЦСС стали крайне хрупкими и уязвимыми. В данном контексте известная теория сравнительных преимуществ начинает терять свой смысл, если страны утрачивают доступ к более дешевым товарам/услугам на зарубежных рынках.

¹ Мировая экономика и международный бизнес : учебник / под ред. В. В. Полякова, Р. К. Щенина. – М. : Кнорус, 2012.

Согласно логике основоположника теории абсолютных преимуществ А. Смита, закономерным результатом производства является потребление, однако последнее напрямую детерминировано устойчивым приростом дохода (зарботной платы). Поскольку рост дохода в страновом разрезе в последние десятилетия происходил неравномерно, это вело и к неравномерности потребления, что в глобальном масштабе означало колоссальный рост неравенства по доходам и накопленному богатству. Полагаем, что в условиях пандемии вопросы неравенства между странами будут актуализироваться с новой остротой, поскольку, с одной стороны, наблюдается рост бедности во многих странах, а эту проблему можно решить лишь в средне- и долгосрочном плане. С другой стороны, для развитых стран проблему выхода на положительный экономический рост можно решить уже в краткосрочном плане. Однако сегодня сложилась значительная степень неопределенности с сохранением нынешних ГЦСС и свободной торговли в целом. Также сохраняются риски неравенства ввиду дальнейшего технологического развития и новых технологических разрывов между развитыми и развивающимися странами, которые проявятся вследствие пандемии.

Перспективы торговли, динамики курсов валют и состояния платежных балансов стран также неопределенны и сопряжены с рядом краткосрочных и среднесрочных рисков. В краткосрочном плане, если международная торговля и экономическая активность в целом станут еще более устойчивыми, то и последствия для счета текущих операций платежного баланса будут более выраженными. Ужесточение условий внешнего финансирования укрепит позиции резервных валют, однако создаст барьеры для притока капитала в развивающиеся страны и ограничит финансирование их текущего счета. В среднесрочной перспективе, если в результате кризиса ускорится спад международной торговли, в том числе и в рамках ГЦСС, то экономический рост развивающихся стран будет более слабым, и они будут привлекать меньше иностранных инвестиций, что сделает их платежный баланс более профицитным. Также положительное сальдо счета текущих операций может расти за счет так называемых предупредительных сбережений, особенно в странах с ограниченной социальной защитой. Если рост частных сбережений распространится широко, то это приведет к снижению глобальных равновесных процентных ставок, которые и так снижались в последние десятилетия. Вместе с тем потенциально возможный рост долга развитых стран будет ослаблять сальдо их счета текущих операций.

Постпандемическое устройство мировой экономики

Важным аспектом сегодняшних дискуссий в области постпандемического устройства мировой экономики является вопрос о том, как обеспечить иммунитет мировой экономике от ущерба в долгосрочной перспективе, тогда как обеспечение иммунитета человечеству от коронавируса путем массовой вакцинации представляется сравнительно менее сложной задачей. С. Роч указывает, что перспективы рынков зависят от того, как будут взаимодействовать бизнес-цикл и цикл пандемии [16]. Иными словами, речь идет о том, как они будут взаимосвязаны, и насколько мировая экономика будет замедляться (или ускоряться) по мере дальнейшего проявления пандемических и постпандемических эффектов.

Рецессии, наблюдавшиеся в мировой экономике в последние десятилетия, указывали нам на то, что рынки и отрасли, спрос и предложение могут легко восстанавливаться по V-образной кривой, однако в нынешней ситуации экономика, похоже, исчерпала потенциал четкого самоподдерживающегося восстановления. Временное восстановление мировой экономики после частичного снятия ограничения летом 2020 г. показывает, что существует риск еще большего погружения в рецессию, поэтому экономические шоки 2021–2022 гг. могут стать более существенными, чем ранее, а долгосрочные последствия для мировой экономики – еще более серьезными. Так, например, в США занятость до сих пор почти на 10 млн рабочих мест ниже, чем была в предпандемический период, а рост потребительских расходов все еще не компенсировал того падения, которое произошло с начала пандемии.

Существенное снижение спроса в период пандемии выступает серьезным сдерживающим фактором для какого-либо прироста инфляции, что, казалось бы, снижает риски высоких издержек новых заимствований. Однако в большей степени негативным фактором выступает потенциально возможное обесценение американского доллара ввиду все большей приверженности ФРС США нулевой процентной ставке и усиливающегося дефицита счета текущих операций платежного баланса США. Кроме того, произошли серьезные сбои в ГЦСС, а поскольку именно они обладали мощным дефляционным потенциалом, то базовая инфляция может начать расти.

С целью преодоления глобальных постпандемических дисбалансов эксперты выделяют ряд срочных мер экономической политики, которые систематизированы в представленной таблице.

**Меры экономической политики для преодоления глобальных дисбалансов
в постпандемических условиях***

Комплекс мер	Характеристика мер
Предоставление помощи компаниям и населению	Продолжение глобальной поддержки домохозяйств и компаний (по состоянию на июнь 2020 г. она составила порядка 10,7 трлн долларов или 13% мирового ВВП) в целевом и временном виде, включая субсидирование заработной платы, отсрочку/погашение долгов, налоговые льготы
Управление оттоком капитала; давление со стороны валютного рынка	Корректировка гибких обменных курсов (валютные интервенции) будет способствовать адаптации к внешним потрясениям (неблагоприятная ценовая конъюнктура на мировом рынке и большие перекосы в платежных балансах; для некоторых развитых стран такая политика будет способствовать снижению дефляции. Введение временных мер по управлению оттоком капитала на период кризиса, которые не должны заменять мер структурной и макроэкономической политики
Управление рисками глобального кризиса	Развитие международного сотрудничества по предоставлению развивающимся странам со стороны МВФ механизмов ускоренного, а также предупредительного кредитования (линии краткосрочной ликвидности); приостановление выплат долга для беднейших стран. Для стран, которые могут столкнуться с шоками ликвидности в иностранной валюте, необходимы: а) сдерживание роста внешнего долга (меры макропруденциальной политики); б) стимулирование перехода от внешних долгов к внутренним, в том числе за счет выравнивания условий для внутренних и зарубежных инвесторов; в) углубление национальных финансовых рынков; г) обеспечение условий для роста международных резервов стран
Ликвидация торговых барьеров	Ввиду взаимосвязанности стран в рамках ГЦСС политика их репатриации может замедлить восстановление экономики. Необходимо: а) избегание тарифных/нетарифных барьеров в торговле медицинскими товарами и оборудованием, предусматривая одновременно отмену введенных во время пандемии ограничений; б) отказ от рассмотрения недооцененных валют в качестве компенсационной субсидии. Применение компенсационных пошлин для товаров из стран, валюты которых недооценены (так называемые C-CVD-пошлины (англ. – Currency-Based Countervailing Duties), является непродуктивным для страны, которая вводит такие пошлины, поскольку приведет к росту курса ее валюты, а также усилит напряженность в международной торговле; в) воздержание от применения тарифов, поскольку они являются дорогостоящими для инвестиций и торговли и служат неэффективным средством для преодоления перекосов в платежных балансах; г) модернизация многосторонней торговой системы с учетом роста торговли услугами и электронной коммерции (совершенствование правил в сфере передачи технологий, субсидий, урегулирования споров в рамках ВТО)

* Составлено по: [13. – С. 19–21].

При этом для стран с разным состоянием платежных балансов применяемые меры экономической политики должны различаться. Так, в странах с большим дефицитом счета текущих операций (например, в США), превышающим бюджетный дефицит, политика фискальной консолидации (которая, как известно, предполагает снижение государственных инвестиционных расходов и субсидирования) будет вести к устойчивости долга и снижению дефицита текущего счета. В некоторых развивающихся странах политика финансовой консолидации могла бы способствовать росту международных резервов. Для стран – экспортеров сырья восстановлению платежного баланса может способствовать структурная политика повышения конкурентоспособности экспортеров. В свою очередь в странах с профицитом текущего счета, который был как до кризиса, так и во время него, необходима политика поощрения государственных инвестиций (преимущественно в инфраструктуру цифровой экономики) и ограничения чрезмерных частных предупредительных сбережений за счет, например, расширения мер социальной защиты. Наконец, в странах, не испытывающих ни дефицита, ни профицита текущего счета необходимо стремиться к устранению внутренних дисбалансов (например, бюджетного дефицита), чтобы в дальнейшем избежать внешних дисбалансов. Это может быть политика открытия рынков (Китай), в частности, ослабления ограничений для ПИИ.

В целом восстановление мировой экономики в перспективе должно ориентироваться на решение следующих задач:

- *необходимо стремиться предотвратить преждевременную отмену мер налогово-бюджетного стимулирования.* При этом следует придерживаться договоренностей о финансовой консолидации, достигнутых в 2010 г., после предыдущего кризиса [10; 11]. Временные и адресные меры фискальной поддержки, принятые в 2020 г., положительно влияют на финансовые позиции стран «Большой двадцатки», которые в дальнейшем должны улучшиться. От защитных мер реакции на пандемию необходимо переходить к мерам по поддержке восстановления экономики и перераспределению ресурсов. Задача центральных банков – поддержка стабильности финансового рынка [7]. Сохраняющиеся риски будут сдерживать как инвестиции, так и потребление;

- *стремление к повышению темпов экономического роста при устойчивости государственного долга.* Следует решать проблемы восстановления потенциала роста и роста производительности труда, в том числе на основе структурных реформ в сфере цифровой и экологически устойчивой трансформации экономики. Предпринимаемые фискальные меры должны использовать преимущества низких процентных ставок в целях стимулирования экономического роста и долгосрочного снижения государственного долга;

– *учет новых типов экономических рисков при реализации перспективных направлений экономической политики.* В результате хода пандемии могут возникать новые риски для восстановления экономики, даже несмотря на принимаемые беспрецедентные меры противодействия. Такая динамика сейчас наблюдается в странах ЕС, испытывающих замедление экономического роста ввиду возврата к новым карантинным ограничениям [12];

– *использование выгод многостороннего международного сотрудничества и координации.* В частности, эксперты полагают, что это может быть глобальное сотрудничество с целью оказания финансовой помощи наиболее бедным странам, преодоления барьеров в международной торговле, сбоях в ГЦСС, расширения трансграничных инвестиций, развития глобальной цифровой налоговой системы, облегчения долговой нагрузки стран с низкими доходами и избежания кризиса государственного долга [8; 18]. Эти совместные усилия должны способствовать устранению неравенства и инклюзивному восстановлению экономики.

Особо важной международная координация представляется в сфере налогово-бюджетной политики, что будет актуальным по мере снятия карантинных ограничений.

Список литературы

1. Кириллов В. Н., Смирнов Е. Н. Траектория устойчивого роста или очередная разбалансировка механизмов мировой экономики // Вестник МГИМО-Университета. – 2019. – Т. 12. – № 5. – С. 64–90.
2. Смирнов Е. Н. Мировая экономика коронавируса: поиск оптимальных путей преодоления последствий кризиса // Вестник МГИМО-Университета. – 2020. – Т. 13. – № 3. – С. 243–266.
3. Смирнов Е. Н. Глобальный рост и тренды развития мировой цифровой экономики : монография. – Ставрополь : Центр научного знания «Логос», 2020.
4. A Long and Difficult Ascent // World Economic Outlook. International Monetary Fund. – Washington, DC, 2020. – October.
5. Baldwin R. Supply Chain Contagion Waves: Thinking Ahead on Manufacturing 'Contagion and Reinfection' from the COVID Concussion. VoxEU, 2020. – April 1. – URL: <https://voxeu.org/article/covid-concussion-and-supply-chain-contagion-waves> (дата обращения: 14.01.2021).
6. Baldwin R., Mauro W. B. Economics in the Time of COVID-19 // VoxEU eBook. – London : CEPR Press, 2020.
7. Bank for International. BIS. Annual Economic Report 2020, Settlements, 2020. – June.
8. Blanchard O. Designing the Fiscal Response to the COVID-19 Pandemic // Real Time Economic Issues Watch, Peterson Institute for International Economics, 2020. April 8. – URL: <https://www.piie.com/blogs/>

realtime-economic-issues-watch/designing-fiscal-response-covid-19-pandemic (дата обращения: 16.01.2021).

9. Breaking Down the G20 Covid-19 Fiscal Response: June 2020 Update. Center for Strategic and International Studies, 2020. – July. – URL: <https://www.csis.org/analysis/breaking-down-g20-covid-19-fiscal-response-june-2020-update> (дата обращения: 07.01.2021).

10. Buti M. Economic Policy in the Rough: a European Journey. Centre for Economic Policy Research Policy Insight, 2020. – N 98. – January.

11. Buti M. Riding through the Storm: Lessons and Policy Implications for Policymaking in EMU // VoxEU. – 2020. – January 12. – URL: <https://voxeu.org/article/lessons-and-policy-implications-policymaking-emu> (дата обращения: 16.01.2021).

12. European Commission Autumn 2020 Economic Forecast // Institutional Paper. – 2020. – N 136. – November.

13. Global Imbalances and the COVID-19 Crisis // External Sector Report. International Monetary Fund. – Washington, DC, 2020, October.

14. Goolsbee A., Syverson C. Fear, Lockdown, and Diversion: Comparing Drivers of Pandemic Economic Decline // NBER Working Paper. – 2020. – N 27432.

15. Maloney W., Taskin T. Determinants of Social Distancing and Economic Activity During COVID-19: a Global View // World Bank Policy Research Working Paper. – 2020. – N 9242.

16. Roach S. S. The Pandemic's Long Economic Shadow. Project Syndicate, 2020. – December 21. – URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/pandemics-long-economic-shadow-by-stephen-s-roach-2020-12> (дата обращения: 05.01.2021).

17. Skidelsky R. The End of Efficiency. Project Syndicate, 2020. – December 17. – URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/economic-thought-efficiency-versus-sustainability-by-robert-skidelsky-2020-12> (дата обращения: 05.01.2021).

18. Thornton P. United G20 Must Pave the Way for Robust Post-Covid-19 Recovery. Atlantic Council, 2020. – July 10.

19. Torrero M. A Post-War Playbook for a Post-COVID Recovery. Project Syndicate, 2020. – December 9. – URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/covid19-postwar-playbook-for-economic-recovery-by-maximo-torero-2020-12> (дата обращения: 05.01.2021).

20. World Bank Global Action Urgently Needed to Halt Historic Threats to Poverty Reduction, 2020. – October 7. – URL: <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2020/10/07/global-action-urgently-needed-to-halt-historic-threats-to-poverty-reduction> (дата обращения: 07.01.2021).

References

1. Kirillov V. N., Smirnov E. N. Traektoriya ustoychivogo rosta ili ocherednaya razbalansirovka mekhanizmov mirovoy ekonomiki [A Sustainable Growth Trajectory or Another Imbalance in the Mechanisms of the World Economy]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2019, Vol. 12, No. 5, pp. 64–90. (In Russ.).
2. Smirnov E. N. Mirovaya ekonomika koronavirusa: poisk optimalnykh putey preodoleniya posledstviy krizisa [The Global Economy of Coronavirus: Finding Optimal Ways to Overcome the Consequences of the Crisis]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2020, Vol. 13, No. 3, pp. 243–266. (In Russ.).
3. Smirnov E. N. Globalnyy rost i trendy razvitiya mirovoy tsifrovoy ekonomiki [Global Growth and Development Trends of the World Digital Economy], monografiya. Stavropol, Tsentr nauchnogo znaniya «Logos», 2020. (In Russ.).
4. A Long and Difficult Ascent. *World Economic Outlook*. International Monetary Fund. Washington, DC, 2020, October.
5. Baldwin R. Supply Chain Contagion Waves: Thinking Ahead on Manufacturing 'Contagion and Reinfection' from the COVID Concussion. *VoxEU*, 2020, April 1. Available at: <https://voxeu.org/article/covid-concussion-and-supply-chain-contagion-waves> (accessed 14.01.2021).
6. Baldwin R., Mauro W. B. Economics in the Time of COVID-19. *VoxEU eBook*. London, CEPR Press, 2020.
7. Bank for International. BIS. Annual Economic Report 2020, Settlements, 2020, June.
8. Blanchard O. Designing the Fiscal Response to the COVID-19 Pandemic. *Real Time Economic Issues Watch*, 2020, April 8. Available at: <https://www.piie.com/blogs/realtime-economic-issues-watch/designing-fiscal-response-covid-19-pandemic> (accessed 16.01.2021).
9. Breaking Down the G20 Covid-19 Fiscal Response: June 2020 Update, 2020, July. Available at: <https://www.csis.org/analysis/breaking-down-g20-covid-19-fiscal-response-june-2020-update> (accessed 07.01.2021).
10. Buti M. Economic Policy in the Rough: a European Journey, 2020, No. 98, January.
11. Buti M. Riding through the Storm: Lessons and Policy Implications for Policymaking in EMU. *VoxEU*, 2020, January 12. Available at: <https://voxeu.org/article/lessons-and-policy-implications-policymaking-emu> (accessed 16.01.2021).
12. European Commission Autumn 2020 Economic Forecast. *Institutional Paper*, 2020, No. 136, November.
13. Global Imbalances and the COVID-19 Crisis. *External Sector Report*. International Monetary Fund. Washington, DC, 2020, October.

14. Goolsbee A., Syverson C. Fear, Lockdown, and Diversion: Comparing Drivers of Pandemic Economic Decline. *NBER Working Paper*, 2020, No. 27432.
15. Maloney W., Taskin T. Determinants of Social Distancing and Economic Activity During COVID-19: a Global View. *World Bank Policy Research Working Paper*, 2020, No. 9242.
16. Roach S. S. The Pandemic's Long Economic Shadow. Project Syndicate, 2020, December 21. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/pandemics-long-economic-shadow-by-stephen-s-roach-2020-12> (accessed 05.01.2021).
17. Skidelsky R. The End of Efficiency. Project Syndicate, 2020, December 17. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/economic-thought-efficiency-versus-sustainability-by-robert-skidelsky-2020-12> (accessed 05.01.2021).
18. Thornton P. United G20 Must Pave the Way for Robust Post-Covid-19 Recovery. Atlantic Council, 2020, July 10.
19. Torrero M. A Post-War Playbook for a Post-COVID Recovery. Project Syndicate, 2020, December 9. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/covid19-postwar-playbook-for-economic-recovery-by-maximo-torero-2020-12> (accessed 05.01.2021).
20. World Bank Global Action Urgently Available at: <https://www.worldbank.org/en/news/feature/2020/10/07/global-action-urgently-needed-to-halt-historic-threats-to-poverty-reduction> (accessed 07.01.2021).

Сведения об авторе

Евгений Николаевич Смирнов
доктор экономических наук, профессор,
заместитель заведующего кафедрой
мировой экономики и международных
экономических отношений ГУУ.
Адрес: ФГБОУ ВО «Государственный
университет управления», 109542,
Москва, Рязанский проспект, д. 99.
E-mail: Smirnov_en@mail.ru

Information about the author

Evgenii N. Smirnov
Doctor of Economics, Professor,
Head of Department for World Economy
and International Economic Relations
of SUM.
Address: State University of Management,
99 Ryazansky prospect, Moscow,
109542, Russian Federation.
E-mail: Smirnov_en@mail.ru